

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ АЗИЯ

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ

*Публицист, главный редактор
интернет-журналов «Русский обозреватель»
и «Новые хроники»*

Отыскивая Европу в Азии
С понятием о Европе у нас традиционно связываются персонализм, рационализм, сциентизм, капитализм, инновации и демократия. С понятием об Азии — холизм, интуитивизм, мистицизм, попытки так или иначе этически ограничить капиталистическую рациональность и в той или иной степени совместить заимствованные инновации с традицией, а связанные с Европой права человека и гражданина с правами общества как целого и власти как определенного трансцендентного принципа.

При этом сравнении сплошь и рядом «азиатскому» выставляется более низкий балл по сравнению с «европейским». Тем самым выбор между Европой и Азией является не только ценностным, но и оценочным выбором. Быть «европейцем» даже и сегодня вопрос самооценки, вопрос престижа. И это связано с тем, что, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия, это достижения преимущественно в европейских (включая, разумеется, американские) практиках.

Экономическое чудо Японии, удивлявшее во второй половине XX в., базировалось на достижениях европейской науки и техники и европейских же экономических концепциях Фридриха Листа

и Йозефа Шумпетера. То, что японцам удалось совместить европейские технологии и свою традиционную этику лишь подчеркивало неустранимость «европейского» из этого синтеза. Японским, а, стало быть, и европейским, путем пошли другие страны АТР.

И вот уже на наших глазах вырос новый экономический гигант — Китай, в котором правит партия, выбравшая в качестве основы выработанный в Европе (включая Россию) марксизм, оказав-

шийся, в известном смысле, «Фридрихом Листом для бедных». Марксизм не имел бы и половины своей привлекательности в третьем мире, не будь в него встроен индустриализм, листовское учение о развитии производительных сил, производственных отношений. Китайская индустриализация — это достижение одной европейской теории, пересказанной в рамках дру-

гой европейской теории, и базируется она на результатах европейской науки и «революции прилежания», приближающей стандарты «азиатского» труда к западному.

Современные достижения Азии, как бы нам ни хотелось верить в обратное, говорят скорее в пользу Европы. Преуспев в производстве, потреблении, накоплении, даже — изобретении, Азии не удалось и по сей день создать систему инновационных

**ЛУЧШЕГО ПУТИ
В ЕВРОПУ, НЕЖЕЛИ ТОТ,
КОТОРЫЙ ИЗБРАЛА
ДИНАМИЧНАЯ АЗИЯ,
РОССИЯ ВРЯД ЛИ МОЖЕТ
НАЙТИ. И ЭТО РОДНИТ
НАС С АЗИЕЙ**

толчков, которая свидетельствовала бы о реальном переходе экономического лидерства.

Хотя на примере конкуренции двух электронных гигантов «Samsung» и «Apple» мы наблюдаем другой любопытный процесс — самоподавление западных слишком оригинальных инноваций ради того, чтобы приблизиться к более усредненной, но в силу этого и более конкурентоспособной форме. Еще не выбравшись в полной мере из плена вторичности, Азия уже берет числом, побеждая за счет отдачи от масштаба.

Но где место России в этом соревновании Европы с ее отражением? Россия ощутимо преуспела в ранней европеизации и модернизации, усвоив, прежде всего, не технологии и институты, но сами принципы функционирования европейской цивилизации нового времени — научный рационализм и инновационность. Военные и технические победы России в XX в. даже заставили Запад на секунду усомниться в нерушимости своего лидерства.

Однако свою собственную версию рецепции европейских ценностей Россия выработала более трех столетий назад и с тех пор находилась, скорее, перед обратной проблемой — как отыскать собственные органические цивилизационные начала, чтобы избавиться от мучительной культурной шизофрении.

Там, где страны Азии решали задачу вестернизации или же «модернизации без вестернизации» (то есть поиска формулы «безалкогольного пива»), — Россия как минимум с середины XIX в. решала задачу собственной девестернизации, но при этом такой, которая бы сохранила достигнутые в нашем европеизме ключевые преимущества — прежде всего, способность к научному поиску и генерированию инноваций.

Движение в славянофильском направлении, становившееся всё более решительным на переломе XIX–XX вв., было весьма эффективным, однако затрагивало лишь тонкую пленку на поверхности необъятной крестьянской стихии, а потому внезапно сменилось катаклизмом Революции, причудливо соединившей чисто западную идеологию и клочкотание народных хилиастических сектантских форм. Но наибольших успехов в девестернизации, нельзя не признать, мы достигли на пути бескомпромиссного западничества конца прошлого столетия, когда Россия переместилась в список не самых развитых стран Третьего Мира, некоторым образом «победив» европейскую науку, медицину, образование, социальную политику. И всё это

под лозунгом ускоренной интеграции с Западом. Нельзя не признать, что самое отчаянное славянофильство было бы «более лучшим» способом сохранения результатов трехсотлетней вестернизации, нежели российское западничество.

В итоге мы оказались в парадоксальном для себя контексте. Мы обречены на догоняющую модернизацию. Но догоняем уже не Европу и Америку, а Азию. Мы ищем родства, диалога и даже союза с Азией. Но ищем их, на самом деле, не в том, в чем Азия — это Азия, а в том, в чем Азия — это Европа. Мы хвалим трудовую конфуцианскую этику, а на самом деле завидуем внешнеторговому обороту, хвалим мудрую политику политической преемственности, а на самом деле восхищаемся умением привлекать инвестиции и распоряжаться ими.

Вызывающие нашу симпатию неотрадиционные институты Азии — это надстройка (порой весьма изящная) над листо-марксо-шумпетеровым индустриальным базисом. Не сохранив его, мы уподобляемся человеку, который, сняв голову, восхищается прической соседа.

Как только мы осознаем, что в современной, динамичной, высокоразвитой, успешной Азии мы ищем удачно перенесенную на новую почву Европу (причем такую Европу, с которой можно дружить против старой Европы и Америки), многое в нашем «синофильстве», «японофильстве», «азианизме» и «восточничестве» достигнет здоровой ясности.

Россия хотела бы вернуться в Европу из тех трущоб, в которые погрузили ее 1990-е. Лучшего пути в Европу, нежели тот, который избрала динамичная Азия, пути эмуляции, используя выражение Эрика Райнерта, европейского индустриализма при сохранении социальной и политической стабильности, Россия вряд ли может найти. И это роднит нас с Азией. Роднит в нашем общем «европеизме».

Роднит в стремлении не допустить того, чтобы Запад — политическими ли «цветными революциями» и экспортом «демократии», экономическими ли манипуляциями «Вашингтонского консенсуса» — затолкал нас назад в трущобы. Мы не хотим назад в трущобы — и в этом мы азиаты. «Настоящие европейцы» же скачут в эти трущобы наперегонки... в мусорных баках.

Трансазиатский альянс по политической и экономической защите от Запада своего освоения европейских достижений — вот та почва, которая действительно роднит Россию и великие державы Азии вопреки существенной разнице их традици-

РУССКИЕ – ЭТО ЕВРОПЕЙЦЫ, ПРИТВОРИВШИЕСЯ АЗИАТАМИ, ПОКОРИВШИЕ ЕВРАЗИЮ, МЫСЛИМУЮ КАК ВЕЛИКУЮ СТЕПЬ, И УНИЧТОЖИВШИЕ ЕЕ

онных цивилизационных ориентаций. Россия, Китай, Индия, Иран кардинально различны и в чем-то даже непримиримы в своем православии, конфуцианстве, индуизме и шиизме, но едины в своем «европеизме» модернизационного развития, противостоящем западному африканизирующему глобализму и строительству мировой империи.

Поэтому когда мы пытаемся изобрести некое родство мировоззрений, менталитетов, духовной структуры, которые сближают Россию с Азией, когда мы пытаемся изобрести геополитические концепции, «азиатирующие» Россию, то мы идем по заведомо ложному пути.

Русский Остров

Самым ценным в евразийском наследии является понятие «месторазвития», то есть уникального географического пространства, которое задает параметры исторической судьбы и культурного облика народа и цивилизации. Однако, пытаясь дать геополитическую характеристику этого месторазвития, евразийцы ощутимо запутались, когда мифология начала подменять географию.

Давая географическую характеристику Евразии в своих «Географических и геополитических основах евразийства», П. Н. Савицкий утверждал:

«Евразийский мир есть мир «периодической и в то же время симметрической системы зон»... Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам. Это и дает основание говорить о «периодической системе зон России-Евразии». Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы уже говорили, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесье севера (тундра) здесь отвечает безлесье юга (степь)».

Казалось бы всё ясно: Евразия — это месторазвитие с удивительно точной симметрией, в которой крайними элементами являются тундра и степь, а срединным — лес. Но не тут-то было. Как идеолог, в той же статье Савицкий предлагает совсем другую интерпретацию евразийского месторазвития.

«Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова».

Выясняется, что подлинной Евразией является не Евразия, не пространство формирования и исторического возрастания русского народа, а лишь

Петр Савицкий (1895 – 1968) – географ, политический мыслитель, создатель геополитической школы евразийства, основанной на идее месторазвития. В основе концепции месторазвития утверждение, что крупные государства органично связаны со своим природным ландшафтом: Россия с этой точки зрения представляет собой континентальное образование, объединяющее лесную и степную зоны, пространство обитания как оседлых народов, так и кочевых племен.

Великая Степь, пространство кочевых империй.

«В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв всё пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными в своем исходном состоянии мирами оседлых культур».

Мало того, оказывается, что Россия некоторым образом приговорена к тому, чтобы служить посредником и коммуникатором между Востоком и Западом и лишь так исполняет свое историческое предназначение, которое оказывается, таким образом, не связанным с собственной исторической судьбой русских, а как бы навязанным извне.

«Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом».

Внутреннее содержание России определяется у Савицкого конфигурацией ее соседств:

«Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта, западный и юго-восточный».

Почему Россия обязана служить мостом между Востоком и Западом? Удобно ли всё время жить на мосту или в проходном дворе? В чем выгода России от такого посредничества? Почему содержание русской особенности должно определяться ее соседствами? Если мой сосед слева любит играть на трубе, а сосед справа — жить не может без гольфа, то почему я должен играть в гольф трубой, а не могу любить, к примеру, академическую греблю?

Все эти вопросы не получают ответа, так как посредничество превращается в императив. Причем императив чужой, сформированный кочевыми империями, от которых русские большую часть своей истории страдали и подвергались набегам, а затем вдруг вынуждены заступить их место.

Двигаясь от Трубецкого и Савицкого к Гумилеву и его эпигонам, евразийство всё больше сосредотачивало свое внимание на Великой Степи. Именно степные империи представили истинной формой Евразии, а Россия оказывалась их поздним атипичным преемником. В сущности, получалось, что русские занимают в Евразии не свое место, не обладая требуемой хозяйственной, военной и культурной организацией, а лишь заимствуя ее элементы у степняков. Утрируя, но не сильно, эту позицию, можно сказать, что эта логика приводит к утверждению, что русские — это европейцы, притворившиеся азиатами, покорившие Евразию, мыслимую как Великую Степь, и уничтожившие ее.

Столь неверные следствия говорят о неверности исходной посылки, а конкретней — представления о Евразии как единстве и борьбе Леса и Степи и о том, что Россия осуществляет себя как наследница империй Великой Степи. Мы замечаем, что вся Россия представляет собой удивительно целостную, однородную географическую среду, для которой граница Европы и Азии по Уральскому хребту (и тут Савицкий трижды прав!) не носит сколько-нибудь определяющего и принципиального характера.

На одних и тех же широтах и в одном и том же приближении к морю Россия удивительно сходна в своих частях, несмотря на огромную свою протяженность. Архангельск в ней не более Европа, чем Владивосток — Азия, но и то и другое в одинаковой степени Россия. Это удивительное чувство испытываешь, к примеру, на Сахалине, южная часть которого была возвращена лишь в 1945, и, тем не менее, сперва ты ощущаешь себя, особенно в урбанистической среде, как где-то в Московской или Вологодской области и лишь затем обнаруживаешь специфичные детали, вроде нерп, которых отгоняют колотушками от своих сетей рыбаки-нивхи.

Очевидно, что существует нечто, что объединяет Россию во всех ее частях, отличая в то же время от Европейской и Азиатских геополитических платформ. И это нечто не мифический «Хартленд» Маккинтера, декларирующий свою континентальность, сухопутность, сводящийся ко всё той же Великой Степи и отчуждающий от России приморские пространства (вплоть до отличия в поздних работах самого Маккинтера приморского «Lenaland», годящегося в добычу «морской державе»).

Не слишком трудное географическое и историческое наблюдение легко выявит то качественное отличие русского пространства от сопредельных, которое и создает географическую и геополитическую особенность России. Это чрезвычайно тесное переплетение многочисленных и, как правило, полноводных рек, практически вплотную соприкасающихся друг с другом бассейнами до легкости

создания между ними системы волоков, а позднее — каналов. Рек, выходящих к морям, по которым возможно плавание от устья до устья. Рек, окруженных множеством больших и малых озер, пригодных и для плавания, и для хозяйства и для удобного размещения населения.

Россия — это не просто суша, но суша, со всех сторон окруженная и пронизанная изнутри водой. Другими словами, Россия — это остров. Или система островов, каковыми являются, к примеру, Британия и Япония.

Гениальная интуиция Вадима Цымбурского уловила эту географическую характеристику и выразила ее в знаменитой политической метафоре, под которую мыслитель подвел определенный исторический фундамент. Цымбурский рассматривал как «сушу» этого острова пространства, занятые носителями русской культуры, а как «проливы» лимитрофные государства и народы. Однако Русский Остров — больше чем метафора. Перед нами вполне осязаемое окруженное доступной для плавания водой пространство, имеющее за счет внутренних водных путей высокую связанность и отделенное этими же путями от других геополитических пространств. Начать войну с Россией, чаще всего означало пересечь реку или атаковать ее берега с моря. Распространить пределы России означало присоединить бассейн той или иной реки или побережье моря, на которое эта река выходит.

Тем самым мы обнаруживаем у Русского Острова не только метафорическое или абстрактное геополитическое, а конкретное географическое содержание. Это большое пространство, имеющее ярко выраженную физико-географическую доминанту — тесное сплетение многочисленных речных бассейнов. Значительная часть определяющих Русский Остров рек имеет ледниковое происхождение. Многие из них — это реки северного стока, уходящие в Арктический (Северный Ледовитый) Океан, послуживший, несмотря на свою трудность, прекрасным коммуникатором между речными устьями, что содействовало невероятной скорости русского продвижения на Восток.

Общие границы Русского Острова можно очертить так — это Неман и система Днестр-Прут-Дунай на Западе; Балтийское море и впадающие в него Нева и Западная Двина на Северо-Западе; Черное и Азовское моря на Юго-Западе; Арктический Океан с впадающим в него множеством рек на Севере; Кубань, Терек и Каспийское море, а восточнее — верхние течения сибирских рек на Юге; Берингово и Охотское моря, Сахалин и Курилы на Востоке; Байкал и система Амур-Уссури на Юго-Востоке.

Нетрудно заметить, что за обозначенными рубежами переплетенные в единое целое речные

Вадим Цымбурский (1957-2009) — филолог-классик, политический мыслитель, создатель геополитической концепции «Острова Россия», согласно которой Россия представляет пространственно-культурное образование, отличающееся по своему цивилизационному статусу от народов Великого Лимитрофа — цепи земель, отделяющих Россию от цивилизационных платформ романо-германской Европы, Ирана и Китая. После отпадения от России земель Великого Лимитрофа ей, согласно Цымбурского, нужно посвятить себя освоению «трудных пространств» российского острова, то есть прежде всего Сибири и Дальнего Востока.

системы практически исчезают, а тем самым и отсутствуют условия, формирующие Русский Остров. Однако выход за естественные речные границы оказывается для России возможен там, где моря подкрепляют геополитические векторы, заданные реками. Так, выход России на Кавказ и в Среднюю Азию за линию Терека и верховьев Иртыша был обусловлен использованием Черного и Каспийского морей. Кольский полуостров Россия контролировала по морю, следуя направлению вектора Северной Двины. На Дальнем Востоке море позволило перекинуть мост в Аляску, Калифорнию, а могло бы и в Океанию с Антарктидой. При этом именно с морского направления Россия, в конечном счете, завладела пограничным Амуром, когда Г.И. Невельской открыл его устье.

Всюду, где русское расширение упиралось в безводную сушу, пустыню, голую степь, оно становилось проблематичным или вовсе прекращалось. И напротив: там, где удавалось соединить два речных бассейна вместе, русская экспансия становилась неукротимой. Именно так была преодолена формальная граница между Европой и Азией по Уралу, когда экспедиции Ермака удалось нащупать сочетание рек, позволявших перейти через «Камень».

Русская цивилизация может быть осмыслена нами как цивилизация акватическая, то есть опирающаяся прежде всего на водные пространства, но использующая их не для орошения (как «гидравлические цивилизации» К. Виттфогеля), а для интенсивных коммуникаций, позволяющих создать сеть поселений на огромных расстояниях друг от друга, при этом поддерживая между ними столь же, если не более интенсивную связь, нежели это возможно было в странах, объединенных преимущественно сухим путем.

Именно здесь секрет того колоссального раз-
мера, которого с первых же шагов достигло Древ-
нерусское государство. Если подходить к делу с пе-
дантизмом, то большая его часть, конечно, должна
быть изображена как сеть тонких нитей протяну-
тых по водным артериям от одного города на реке
до другого. Но картографы привыкли закрашивать
территории с большим размахом, поэтому Древ-
няя Русь предстает перед нами как огромное тер-
риториальное государство. Этот масштаб создава-
ли именно речные коммуникации.

Разумеется, русская цивилизация была не един-
ственной, в развитии которой реки сыграли ре-
шающее значение. Скорее напротив — таких ци-
вильзаций абсолютное большинство. Однако, как
правило, речь шла о единоречьи, максимум — дву-
речьи, как в Китае. Подлинное многоречье стало
достоянием лишь России.

О генезисе этого русского типа освоения мож-
но высказывать только догадки. Выскажу гипотезу (не более), что мы имеем дело с синтезом
прекрасной адаптации к внутренним водным
путям, характерной для восточных славян, и неу-
толимой страсти к дальнему
мореплаванию, характерной
для викингов. Возникнове-
ние славяно-варяжской этно-
политической системы под-
стегнуло к созданию новой
системы пространственного
освоения — стратегического
рекоплавания. Уже «премье-
ра» русской истории — напад-
ение руссов на Константино-
поль в 860 г. — это рейд по рекам Русской равнины,
а затем Черному морю, по меньшей мере от Кие-
ва, а может быть и от Ладоги. Упомянуть «путь из
варяг в греки», стержневой для становления Руси,
пожалуй и не требуется в силу его очевидности.
Руссы с такой свободой проходили по своим вну-
тренним водным путям, что европейский хронист
Адам Бременский был уверен в существовании
пролива между Балтийским и Черным морями.

Как изобретение колеса и освоение всадниче-
ства исторически и геополитически актуализиро-
вало Великую Степь как нечто целое, как самосто-
ятельную историческую реальность, а не просто
набор безлесных пространств, так и освоение стра-
тегического рекоплавания актуализировало Рус-
ский Остров. Где всадник, там найдется и степь; где
гребцы, там и река.

Осмысляя Русский Остров, мы получаем воз-
можность по-новому взглянуть на весь процесс
русской колонизации, выведший Россию к Тихому
Океану и позволивший ей сформировать, по тер-
минологии выдающегося русского географа и гео-

политика В.П. Семенова Тянь-Шанского, систему
«от моря до моря», превратив Россию в чрезмате-
риковую державу. Конфигурация Русского Остро-
ва предоставила эту уникальную возможность,
поскольку для острова тянуться от моря до моря,
пусть даже и на тысячи и тысячи километров более
чем естественно.

При осмыслении русского движения «навстреч
солнца» нам придется, пусть и не без сожаления,
отказаться от представления о движении России
из Европы в Азию как аналоге движения Европы
в Америку. В этих исторических драмах есть исто-
рическая синхронность, есть известное количество
общих сюжетов, таких как опора на огнестрельное
оружие, расположенное на корабле (в русском слу-
чае, как правило, речном). Но, в целом, освоение
русскими предназначенного для нас Острова от-
нюдь не тождественно покорению европейцами
Нового Света.

Русская колонизация начинается в пределах
Европы с освоения русского Севера и выхода
к Баренцеву морю и без всякой паузы и разрыва
перетекает за Урал. Никакого противопоставле-

ния «европейской» Перми
и «азиатской» Тюмени мы,
разумеется, не обнаружим.
Мы вообще не обнаружим
границ Европы и Азии. Мы
обнаружим лишь течения рек,
упорядочивающие русское
пространство.

Характерной особен-
стью русского продвижения
на восток является арктиче-

РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРЬ БЫЛО ДВИЖЕНИЕМ НЕ В АЗИЮ, НО В АРКТИКУ

ский охват. К.И. Зубков отмечает два потока рус-
ского движения на Восток: «Первый, следовавший
в основном вдоль таежной и приморской тундро-
вой широтной зоны Сибири, по общему правилу, на
20–30 лет опережал второй, который тормозился
на границе Леса и Степи частыми военными стол-
кновениями с воинственными кочевыми народами
Азии и необходимостью осуществления специаль-
ных оборонительных и военно-экспедиционных
мероприятий».¹

Русское движение в Сибирь было движением
не в Азию, но в Арктику. Оно продолжало тот ход
«на Север», где тесно переплелись монастырская,
крестьянская и новгородская пушноторговая ко-
лонизация, который и создал для тесных княжеств
Северо-Восточной Руси предпосылки собирания
в Россию. Но по-настоящему оформление России
произошло лишь с выходом в Сибирь. Как отме-
чал Цымбурский: «Россия не присоединяла Сибирь
— она создавалась Сибирью».

¹ *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука, 2004, с. 27.*

На протяжении всего великого похода «навстреч солнцу» русские не покоряют и не уничтожают Азию, а отодвигают ее, выводя пространства Русского Острова из-под действия азиатизирующих сил.

Азия выступает здесь не как пространство, куда выходит Россия, а как конкурент русских в освоении геокультурно не маркированных пространств. Поход Ермака был не «покорением» коренной Сибири, а перехватом ее у фактического узурпатора хана Кучума, вассала правившей в Бухаре династии Шейбанидов. Присоединяя Сибирь к Русскому Острову, Россия отгораживала ее от влияния Азии, Востока, представленного ханствами Средней Азии.

Однако на своем пространстве Россия имеет право цивилизационного первородства. Россия не «продвигается в Азию», а размечает новое геополитическое пространство, символом чего становится основание новых городов. «Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов», — отмечает британский историк Фелипе Фернандес Арместо.

Никакой цивилизации без городов не существует. Стены городов позволяют отличить цивилизацию от пустых земель. Движение Запада в Индийский и Тихий Океаны, и даже в Новый Свет, было связано с захватом уже существующих цивилизационных структур, внедрением в сложившиеся

форматы цивилизаций. Кортес и Писарро основали Мехико и Лиму, предварительно взяв и разрушив Теночтитлан и Куско. Афонсу Альбукерки создавал опору португальской морской мощи в Индийском Океане — Гоа и Малакку — в урбанизированном пространстве развитых азиатских цивилизаций.

В случае русского движения на Восток города возникали там, где не было городов со времен поселений индоевропейцев эпохи Синташтинской археологической культуры, забытых человечеством так прочно, что открытие в 1980-х годах Аркаима сделало настоящую сенсацию. В логике сверхдолгой временной протяженности историческое движение России может рассматриваться как возвращение первенства индоевропейских народов в географической зоне, где оно было утрачено в начале I тысячелетия нашей эры, когда гунны и тюрки сменили скифов и сарматов.

На берегу Острова.

Случай Приамурья и Уссурийского края

Движение русских на восток совершалось в конкуренции, причем как с севера, так и с юга.

С Севера на протяжении XVI–XVII веков наблюдались попытки «обхода» России океанической цивилизацией Запада, с упорством отправлявшей экспедицию за экспедицией для поиска северного пути в Китай, диктовавшегося картографической ошибкой, представлявшей Обь проливом, ведущим аж до самого китайского Ханбалыка. Лишь запрет русским правительством плаваний на Мангазею на долгое время положил конец этой эпопее, оставив монополию внутреннего пути в Азию за Россией.

С Юга Россия сталкивается с конкуренцией азиатских цивилизаций за контроль над теми или иными берегами и проливами Русского Острова. Самый выдающийся случай подобной конкуренции составил, конечно, решение вопроса о Приамурском и Приуссурийском краях. В географическом смысле они, несомненно, составляют органическую часть Русского Острова, однако их близость к цивилизационной платформе другой великой цивилизации, Китая, впервые поставило русское геополитическое продвижение перед известными препятствиями.

Впрочем, несправедливо трактовать спор вокруг Приамурья как «русско-китайский конфликт». Это было столкновение русских казаков, основавших на Амуре Албазинский острог и готовых к дальнейшей экспансии, с Маньчжурией, полукочевой империей, как раз тогда ведшей завоевание разрушенного внутренними конфликтами Минского Китая. Маньчжурская империя Цин основывалась на жестоком унижении китайского населения, и потому понимание ее как Китая возможно лишь в рамках специфичной китайской

традиции, которая стремится присвоить Поднебесной все права и достижения господствовавших над нею варваров (именно поэтому так опасны, к примеру, демагогические заявления о «вхождении Руси в империю Юань»).

До русско-японской войны Россия вообще не приходила в столкновение с высокими цивилизациями Азии, имея дело лишь с кочевническими или посткочевническими образованиями, каковыми были Манчжурский Китай, Персия при Каджарах, Османская Империя, ханства Средней Азии. Политическое первенство кочевого элемента во всех этих случаях создавало дополнительные предпосылки для конфликтности с Россией.

Фактически Манчжурия была в Приамурье нападающей стороной, пытаясь вытеснить неудобных соседей, превосходивших ее качеством военного дела, но уступавших в численности. В 1685 г., собрав десятитысячную армию, манчжурам удалось взять и разрушить Албазинский острог, а в 1689 — навязать России Нерчинский договор, отрезавший русских от Амура.

Характерно, что манчжурское правительство само не было уверено в собственных силах и попыталось создать на пути дальнейшего русского продвижения «зону отчуждения». Аборигенное население Приамурья было выселено. Еще раньше, в 1668 г. была принята политика «ивового палисада» — китайцам было категорически запрещено селиться в пределах манчжурского домена. Таким образом, опустошенные от местного населения, огражденные запретом от потенциальной китайской колонизации и закрытые межгосударственными договорами земли Приамурского и Приуссурийского краев превращены были в искусственную пустыню. Развитие производительных сил этого региона было искусственно сдержано манчжурской империей.

В XVIII в. Россия не слишком успешно пыталась заинтересовать пекинских властителей трансконтинентальной торговлей, которую те всячески ограничивали, что дало отчасти искусственное преобладание южным торговым маршрутам, на которых действовали англичане, и укрепило предпосылки опиумных войн. Ослабленная в этих войнах империя Цин не могла уже противостоять завершению освоения Русского Острова.

Россия применила в этом споре с Азией уже не раз использовавшийся до этого в Арктике океанский охват, движение не от истока к устью опорной реки, а напротив — от устья к истоку. Пришедшей

из Кронштадта экспедиции Г.И. Невельского удалось открыть пролив между материком и Сахалином и Амурский лиман, тем самым доказав геополитическую принадлежность региона к Русскому Острову с его переплетением озер, морей и рек.

Манчжурская политика искусственной пустыни сыграла с цинцами злую шутку. Невельскому хватило всего 50 солдат, чтобы закрепить за Россией тысячи квадратных километров. Все его насильственные действия свелись к тому, что при первой высадке он пригрозил пистолетом начавшему дерзить манчжурскому купцу, а поставив его на место, допросил и узнал:

«1) что им запрещено спускаться сюда по Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-зина (около 300 верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями, которых выменивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки); 2) что на всем пространстве по берегам Амура до Каменных гор (Хинган) нет ни одного китайского или

маньчжурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят».

Распрашивая же гиляков, Невельский установил: «что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда». Возможно, Китай имел шанс составить России конкуренцию на берегах Амура и Уссу-

ри и сделать их частью своей Срединной Империи, отняв их у Русского Острова. Но этот шанс был упущен благодаря манчжурской политике опустынивания. «Китайское Приамурье» применительно к XVII–XIX вв. есть опять же «вымышленное царство». Поэтому так анахронично и неуместно звучит суровый тон «Истории Китайской Народной Республики», изданной в 2012 г. Институтом Китая современной эпохи по поручению ЦК КПК:

«Царская Россия в 1858 г. по Айгунскому договору отхватила более 600 тысяч кв. км. территории к северу от реки Хэлуцзян и к югу от хребта Синьаньлинь, в 1860 г. по Пекинскому договору отрезала более 400 тысяч кв. км. территории к востоку и к югу от озера Балхаш. В 1881 г. по исправленному договору в Или и по пяти протоколам о демаркации границы отрезала более 70 тыс. кв. км. территории в районе Или. За эти десять с лишним лет Россия в общей сложности грабительски захватила более 1,5 млн. кв. км. территории Китая» (цит. по: Галенович Ю.М. «Исторический счет»

ИСПЛАВАННЫЙ, ИСХОЖЕННЫЙ И ОПИСАННЫЙ АРСЕНЬЕВЫМ МИР, ТЕМ САМЫМ, НЕВОЗВРАТНО СТАНОВИТСЯ РУССКИМ МИРОМ

к России и СССР в «Истории Китайской Народной Республики». М.: «Восточная книга», 2014. С. 18).

Скорее всего китайцев обидело бы предложение вновь начать носить косы, как это было в те времена, когда Россия якобы «отняла» эти земли якобы у Китая.

Парадоксально, но факт — именно присоединение Приамурского и Приуссурийского краев впервые открыло эти земли для китайской колонизации. Вскоре наплыв китайцев был столь значителен, что в русских правительственных кругах и публицистике во весь голос начала обсуждаться тема «желтой опасности», отразившаяся, в частности, в трудах путешественника, писателя и разведчика В. К. Арсеньева.

Целью экспедиций Арсеньева было не только военно-топографическое исследование Уссурийского края, но и оценка китайского проникновения и связанных с ним рисков. Образ китайцев в его произведениях ощутимо двоится. С одной стороны — это жестокие разбойники-хунхузы, это китайские колонисты, хищнически истощающие природу, безжалостно эксплуатирующие представителей местных малых народов — тазов и удэгейцев, ищущих защиту только у русских «капитанов». Эти китайцы встречают русского офицера, представителя русской власти с крайней враждебностью. С другой, китайцы — это надежный помощник Арсеньева Чжан Бао, это трудолюбивые фермеры, выращивающие женьшень, это старик, намеревающийся вернуться назад в Китай к брату.

При этом главную угрозу для русского начала в крае представляют, по мнению Арсеньева, не столько китайский разбой и нарушение законов России, сколько трудолюбие и предприимчивость, которые практически не оставляют места разворачиванию мирной русской колонизации, сосредотачивая производительные силы края в руках китайцев.

Книги Арсеньева сыграли огромную, возможно — решающую, роль в закреплении Уссурийского Края за Россией. Арсеньеву удалось нарисовать яркий образ Дерсу Узала, охотника-гольда, своеобразного гения места, средоточия уссурийской природы и мудрого гармоничного сосуществования с нею. Дерсу символически передает этот край как наследие русскому «капитану». Исплавленный, исхоженный и описанный Арсеньевым мир, тем самым, неовозвратно становится русским миром.

Как видим, в манчжурском стремлении оставить русских без поддержки местного населения была своя доля правды. Русские, осваивая свой Остров, и в самом деле с величайшим искусством использовали поддержку и сотрудничество местных народов, опираясь на их поселения как на свои базы, а на их охотников, подобных Дерсу, как проводников. Конкурируя с «Азией», с высокими

Владимир Арсеньев (1872 – 1930) – русский путешественник, географ, этнограф, исследователь Дальнего Востока, автор художественных книг «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923). Похоронен во Владивостоке.

восточными цивилизациями, Русский Остров нуждался в коренных народах и не только не подавлял, но и приветствовал их.

«Поддерживать Индию.

Помочь Китаю. Защитить Иран»

Ни геополитически, ни культурно Россия не находится «в Азии», представляющей собой ряд преимущественно сухопутных геополитических «платформ». Однако Россия обладает своими интересами и особенностями отношений с Азией, не похожими на те, в которых находятся к Азии европейские державы и Америка.

Это понимание особого места России в системе азиатских отношений заточено отнюдь не только против поверхностного европоцентризма, но и против панasiatства, стремившегося вычеркнуть Россию из Азии как чуждую, «европейскую» силу.

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое, в противовес выдвигавшейся от времени до времени желтой расой доктрине “Азия для азиатов”», — отмечал В. П. Семенов Тянь-Шанский.

С другой стороны, Азия выступает для России как неубиваемый козырь в ее «Большой Игре» с Европой и, прежде всего, с враждебной англосаксонской Империей.

Этот козырь — непосредственный доступ России к континентальным платформам Азии — стал осознаваться Европой еще в XVI–XVII веках, когда английские купцы начали упрашивать русских царей открыть им путь в Персию. Но ходу им не давали — покупая персидские товары на грандиозном торге в Астрахани, русские не пускали западноевропейцев по Волге южнее Нижнего Новгорода.

Пути в глубины Азии дальше этого предела Россия западным соседям не открывала, стараясь к выгоде для себя сохранить положение транзитной державы. Мудрая политика, которой следует придерживаться и впредь, когда сегодня уже Китай ищет транзитных коридоров для выхода в отдаленную от него Европу. Не упустив своих выгод в эпоху торговой экспансии Запада, Россия вряд ли ошибется, действуя так же в эпоху торговой экспансии Востока.

Но могла быть и воинственная интерпретация русского ключа к Азии. Вспомним грандиозный замысел Павла I и Наполеона сокрушить еще непрочное британское господство в Индии маршем русских казачьих корпусов. Мечта авантюристичная, но отнюдь не безумная — недавние подвиги русских в Персии при Екатерине II показали полное превосходство русской военной силы над восточными народами, преграждавшими путь до Индии, а в самой Индии британцы просто численно не смогли бы противостоять русским.

Всё следующее столетие кошмар русского вторжения нависал над Британской Индией. Русское продвижение в Среднюю Азию мыслилось как обеспечение логистического моста этого вторжения. Русские военные географы, подобные А. Е. Снесареву, с особым пристрастием изучали Афганистан. Даже распространение русского влияния в Тибете, Манчжурии, Китае в конечном счете осмыслялось в логике «Большой Игры».

Разочарованный кражей побед русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Берлинском конгрессе идеолог панславизма Н. Я. Данилевский рисовал грандиозный план азиатского «обхода» Англии, не подпускающей Россию к Проливам.

«России ничего другого не остается, как постараться, чтобы проливы потеряли для нее всякую ценность, чтобы свободное сообщение с Индией утратило для нее всякое значение. Князю Паскевичу приписывают слова, что путь в Константинополь идет через Вену. Видимо, и путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту».

Данилевский рисует целую программу действий России в Азии: «угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию». Сегодня Индия не является британской, напротив, это растущая независимая держава-цивилизация, в суверенитете и крепости которой Россия жизненно заинтересована. Поэтому достаточно лишь немного переделать формулу Данилевского, обладавшего удивительным даром геополитического пророка, чтобы получить готовую доктрину России на азиатском направлении: «Поддерживать Индию, быть готовыми помочь Китаю, защитить Иран».

Используя доступ со своего острова к азиатским платформам, Россия должна поддерживать их независимость против англосаксонской державы. Именно эту природу носит обозначившийся в рамках ШОС четверной альянс России, Китая, Индии и Ирана. И именно поэтому вопреки экономической мощи Китая только Россия может играть в нем роль «коренного», поскольку только в России заключен тот «тыл», который придает этим великим державам-цивилизациям общую устойчивость против океанского давления Англосаксонской Империи.

Вениамин Семенов Тянь-Шанский

(1870 – 1942) – статистик и географ, автор фундаментальных работ по районированию, городскому и сельскому расселению, создатель оригинальной концепции антропогеографии, использовал в своих работах концепт «Евразия» для обозначения сибирской России, которая не относится ни к европейской части страны, ни к Дальнему Востоку. Умер в блокадном Ленинграде.

Россия со своего внутреннего континентального Русского Острова обречена на противостояние в «Большой Игре» в Азии против внешнего Англоамериканского Острова. Она должна поддерживать независимость и силу азиатских цивилизационных платформ, не давая им скатиться к вассалитету перед англосаксонской империей. Даже один такой «вассал», как Япония, малый остров против большого острова России, может причинить слишком много неприятностей.

При этом Россия сегодня действует в контексте усиливающейся экспансии самих азиатских держав. И Китай, и Индия, и Иран — давно уже не объекты, но субъекты большой мировой политики, причем Китай становится субъектом перворазрядным. И здесь возникает ключевая проблема баланса между глобальным и региональным политическим положением России.

Академик В. М. Алексеев справедливо отмечает, что «на Тихом Океане Россия вела себя исключительно как «великая держава» с глобальными, но не региональными интересами и сознательно не использовала преимущества своего регионального положения». Однако «регионализм» в азиатской политике для России чреват известными рисками, особенно в отношениях с той громадной силой, которую являет Китай.

Как участники глобальных процессов Россия и Китай заинтересованы друг в друге, обречены на союз и на совместную программу ослабления американского и, шире, западного доминирования в мире. Те угрозы и препятствия, которые создает Запад России и Китаю разнесены в пространстве. Таким образом, как глобальные политические игроки Россия и Китай просто обязаны, встав спина к спине и прикрывая друг друга, реализовывать свои глобальные стратегические проекты, обращенные в противоположных направлениях, и отбивать общих врагов.

Но Россия и Китай являются не только глобальными игроками, но и соседями. А соседи, увы,

всегда немножко враги. Постоянное переплетение региональных интересов и противоречий создает постоянный риск порчи даже очень хороших отношений. И успех стратегического сотрудничества России и Китая в известном смысле зависит от того, сумеют ли они в достаточной степени отвернуться друг от друга.

Но, с третьей стороны, чисто экономическая логика побуждают Россию и Китай разворачиваться друг к другу для оптимального совместного использования ресурсов, приграничной торговли, транспортных коридоров. А это возвращает нас к проблеме перенаселенности Китая и создаваемой китайской экономикой экологической нагрузки на ресурсы, пробуждает вновь фантомы «желтой опасности» и реванша, отравившие не одно столетие наших отношений.

Россия заинтересована, прежде всего, в южном направлении китайской экономической и цивилизационной экспансии, завещанном адмиралом Чжэн Хэ. На этом направлении две державы не сталкиваются ни с каким противоречием интересов и взаимно усиливают друг друга.

Но чем больше китайское геополитическое действие сдвигается к северу, тем больше пространство возможных недоумений и напряжений. Реализуя мечту о новом Великом Шелковом Пути, Китай создаст не только экономическую конкуренцию российским трансасиатским транспортным коридорам, но и зону политического напряжения, так как вынужден будет охранять узлы этого пути, пресекать внешнее воздействие на них, вступая в неизбежную внешнеполитическую конкуренцию с Россией. Движение Китая строго на Запад помимо России и в обход России неизбежно создаст зону повышенной геополитической турбулентности.

От того, как Россия и Китай смогут разобраться в этом клубке сотрудничества и противоречий, зависит, возможно, весь ход мировой истории на ближайшие столетия.

Восток Будды и Восток Христа

Погружаясь в тему «духовного родства» России и Азии, России и нехристианского Востока, мы оказываемся в теософском тумане вымыслов и догадок. Найти реальные следы «восточничества» в традиционной русской культуре оказывается не просто. Трудно оспорить с фактами в руках точку зрения академика Д. С. Лихачева:

«Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смеем утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Гре-

Великий Шелковый Путь — караванная дорога, связывавшая Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. В первую очередь, использовался для вывоза шёлка из Китая, с тем и связано его название. В рамках китайской стратегической программы «Экономический пояс Шелковый путь» разрабатывается ряд проектов морских и сухопутных путей между Европой и Китаем под общим названием Новый Шелковый Путь.

ции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии».

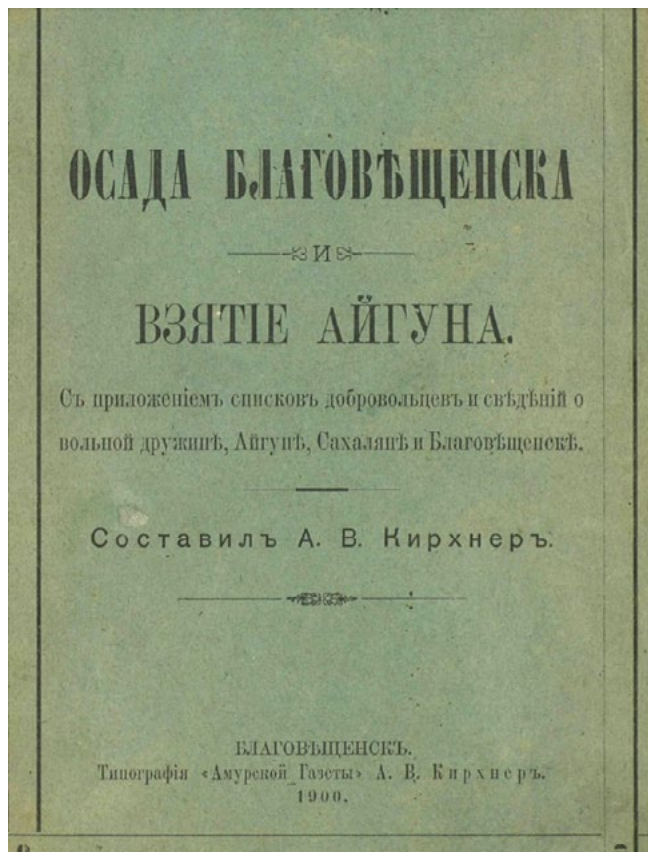
Более того, знакомство с «реальным» Востоком порождало у русского человека, скорее, недоумение и неприятие. Здесь достаточно сравнить восторженные записки Марко Поло, ставшие источником вдохновения всего перевернувшего мировую историю предприятия по поиску Индии, и весьма скептический тон Афанасия Никитина в его «Хожении за три моря».

«Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощъ, а на Рускую землю товару нет. А все черные люди, а все злодеи, а жонки все бляди, да веди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ».

Повесть Афанасия — это исповедь о страданиях православного русского человека, оказавшегося в плену Востока и через то фактически «лишившегося христианства», то есть традиционного православного устава жизни с его обеднями и постами. Вместо этого он погружается в непривычную среду, в которой, впрочем, возможны своеобразные цивилизационные коалиции «против общего врага».

«Познася со многими индеяны. И сказах имъ веру свою, что есми не бесерменинъ исаядениени семь христианинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учили крыти».

Реальный опыт взаимодействия русских с Азией говорит против предположений о каком-то специфическом русском ориентализме или крипто-ориентализме. Русский ориентализм есть побочное дитя русского европеизма. Он возрос на чисто западных источниках и лишь со второй половины XIX в. среди русских интеллектуалов начала вызревать мысль, что соседство России и Востока дает лучший доступ к восточным источникам,

к восточной среде, а может быть, и к пониманию Востока, чем у западных исследователей.

По дорогам внутренней Азии отправились экспедиции, от которых, впрочем, слишком часто веяло разведывательной миссией. Появились такие уникальные по своим познаниям и проникновению в предмет ученые, как В.В. Бартольд, Ф.И. Щербатской. Русское востоковедение стало масштабным проектом, в рамках которого оказались возможны такие уникальные достижения как единственный полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на европейский язык.

Однако предполагаемое «сродство с Востоком» носит, прежде всего, характер всё того же соседства и стремления к взаимной поддержке против натиска Запада. А главное, базируется на предположении о большей уважительности, большем чувстве равенства русских по отношению к Востоку, о чем многократно писали русские публицисты тех лет: англичанин привязывает мятежного сипая к пушке и считает индуса рабом, в то время как русский дает туземцу равные права.

Однако не было ли это чувство равенства иллюзией? Гражданское равноправие в Российской империи возможно было лишь до тех пор, пока речь шла о гражданских, а не избирательных правах. Напротив, любое приближение к системе, где имело значение большинство голосов, приводило российскую империю к взрывам, округлявшим национальное большинство даже ценой территориальных потерь. Миф о российском имперском

равенстве народов возможно было поддерживать лишь в автократической системе, и то не без некоторого труда.

Вспомним, как сурово одернул Достоевский тех, кто считал, что Россия не должна вступаться за христиан в Турции, поскольку часть граждан России — мусульмане. «Хозяин России есть русский», — отвечает Достоевский в своем «Дневнике писателя», и никакого права вето на исполнение русскими православной миссии внутренний Восток России не имеет.

Для понимания всей сложности темы «Россия и Азия» особое значение имеют соображения Ф.М. Достоевского, заключающие его последний «Дневник писателя», своеобразное геополитическое завещание писателя и мыслителя, учившего, что «в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан».

Достоевский начинает с сетований на невнимание русского общества ко всему за пределами Европы:

«Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?”»

Для него русское продвижение в Среднюю Азию, победы Скобелева, взятие Геок-Тепе — это провозвестие грядущего доминирования Российской Империи над азиатскими народами, создание репутации России, которая станет выше репутации любой другой империи.

«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: “Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился”. И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его...

У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, — но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему...»

Это суждение еще вполне традиционно геополитическое, однако затем Достоевский задает раннюю версию русского восточничества. Россия не просто имперская держава, долженствующая доминировать в Азии. Она сама есть азиатская держава.

«Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»

Русское славянофильство, традиционно носившее, скорее, неовизантийский характер, здесь переосмысливается в рамках более общей дихотомии Европы и Азии. Россия со своей особенной идеей отвергается Европой, а значит, должна обрести себя в Азии.

«Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до “металла и жупела” московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы заплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых Бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты...

Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина!

Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть “идея”, своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает...

Однако следующего шага, который делают более поздние восточники, такие как князь Ухтомский, Достоевский не делает. Он не высказывает предположения, что в силу своей мистической, иррациональной природы азиатские цивилизации более сродны русской идее, более способны к ее усвоению, нежели европейцы. Более того, сделав опасно близкий шаг к «России-Азии», Достоевский возвращается назад к пониманию России в качестве Европы и русской Азии как козыря в ве-

ковом споре с Европой. Исход к Востоку — это не поиск «братьев» среди азиатских народов, а обретение русскими своих сокровищ.

Азия мыслится Достоевским как средство национального самоусиления.

«Азия — это русская Америка» — здесь, очевидно, под Азией мыслится уже не столько пространство древних азиатских цивилизаций, а Сибирь и Туркестан в той мере, в которой последний казался еще почти пустым пространством (что нам сегодня может показаться странным, но до успехов медицины, приведших к перенаселенности Средней Азии, соответствовало действительности). Азия предстает у Достоевского путем к обретению Россией самой себя.

«Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это “страна святых чудес”, и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными...

С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, — тотчас найдем, что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали

говорунами и лентяями...»

И вот уже звучат формулировки привычного цивилизаторского дискурса:

«В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия...

... цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, — а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим».

«ВОСТОК» ХРИСТИАНСКОГО МИРА И «ВОСТОК» В СИСТЕМЕ «ВОСТОК-ЗАПАД» — ЭТО В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Достоевский возражает против абсурдности тезиса об «убыточности» русской Азии, предвосхищая ту программу освоения ее богатств, которая развернулась в XX столетии:

«Если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля,— всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить... К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!»

При этом русское освоение Азии мыслится Достоевским как народная колонизация, как заселение, распространение русского этноса, а не только как политическое и экономическое господство. Движение в Азию для Достоевского есть умножение Русской Земли.

«Где в Азии поселится “Урус”, там сейчас становится земля русскою. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила...»

Как видим, мысль Достоевского балансирует между пониманием Азии как инструмента русского самоусиления, пространства русской народной колонизации и идеей «цивилизаторской миссии», предположением об особой «азиатской» природе России и русских, которая должна быть осознана в оппозиции Европе. Почему Достоевский, договорившись до «русские — это азиаты», внезапно отступает назад в «страну святых чудес» — Европу? Да потому, что продолжение этой «азиатской» мысли вело бы к той или иной форме отречения от Христа. Позднее это противопоставление «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» мы найдем у Владимира Соловьева, который, однако, пойдет в антивосточничестве еще дальше, до явных лжепророчеств о панмонголизме.

Реакция Соловьева, впрочем, более понятна, если учесть, что в следующую эпоху русское «восточничество» решается на более радикальные предположения об азиатском духе России, о глубинном внутреннем сродстве русского и восточного способа постижения мира. Этот аспект русской идеи, нашедший наиболее полное отражение в публицистике князя Эспера Ухтомского, представляется теперь обширной и древней исторической традицией благодаря работе Мануэля

Елена Блаватская (1831-1891) — урожденная Ган, путешественница, писательница, религиозный мыслитель, создатель популярной оккультной доктрины под названием «теософия». Основательница Теософского общества (1875). Считала, что состоит в оккультной связи с братством тибетских махатм, которые передают ей тайные знания.

Саркисянца «Россия и мессианизм Востока».

Саркисянец увязывает с восточными влияниями возникновение русской народной утопии, мессианизм и хилиазм, становление которых относит к XVII в. Этот хилиастический идейный комплекс, как он справедливо отмечает, был совершенно чужероден Европе, которая уже находилась в стадии светского рационалистического утопизма, зато представляется исследователю родственным восточным религиозным и этическим системам.

Однако рискну поспорить. Речь идет не о действительном культурном и мировоззренческом родстве России и Востока, а о единстве принципов всех цивилизаций Осевого Времени. Когда Ухтомский утверждал, что один и тот же русский царь может восприниматься как православный самодержец в России, как аватар Вишну в Индии, как Сын Неба в Китае, как Белый Царь для степных азиатских народов, то это свидетельствует лишь о гомологичности структуры этих цивилизаций, когда единство между трансцендентным и мирским порядками может быть скреплено посредствующей фигурой сакрального монарха. Шмуэлю Эйзенштадту блестяще удалось показать близость символических ориентаций всех цивилизаций Осевого Времени, но он же показал и их значительные отличия. Общего в них было только то, что все эти цивилизации — китайская, индийская, русская, исламская, не стали «Западом». Их переход к Новому Времени был обусловлен вызовом Запада и в еще большей степени — западной военной и экономической угрозой.

Найти черты положительного родства в этом отрицательном сходстве было задачей не просто трудной, но чреватой серьезными рисками, главным из которых была отмеченная Саркисянцем угроза дехристианизации России. Видеть в Православии некий мистицизм и холизм, которые, якобы, делают его ближе к буддизму или вишнуизму, чем к римо-католицизму — это очевидная натяжка, попытка подменить метафизическое содержание доктрин чертами внешнего сходства

религиозного стиля, к тому же измышленного. Мистицизма можно сколько угодно найти и в католичестве, а вот православная доктрина соборности слишком персоналистична для нехристианского Востока.

Вера в Иисуса Христа как единственного истинного Бога и Спасителя навсегда разделила Россию с нехристианским Востоком, а ее связь с Западом слабеет ровно в той мере, в которой Запад уходит от Христианства.

Именно поэтому крайность русского «восточничества», как у Блаватской и Рерихов, пришла к попытке охватить и поглотить Христа «восточным контекстом», превратить его в одного из индуистских «махатм». Однако привело это, по большому счету, лишь к выпадению данного направления из русского контекста.

Экуменическое утверждение родства китайской, индийской и русской цивилизаций означало бы отречение от Христа, что остро почувствовал Достоевский, так внезапно ушедший от «русские — азиаты» назад в «страну святых чудес». Впоследствии Георгий Флоровский выставил тот же суровый религиозный счет евразийцам, указав на то, что, начав с утверждения идентичности русской цивилизации, они скатываются к растворению основы этой идентичности — православно-

го христианства.

Не случайно, что пик отмеченного Саркисянцем восточнического восторга приходится на первые послереволюционные годы, когда русская культура, как казалось, покончила со своей религиозной, православной христианской основой, перешла в область восторженно-неопределенной мистики братства, сливающей континенты и народы.

Русское восточничество, так же как и русское азиатство, оказывается в плену своеобразной омонимии. Будучи, несомненно, Востоком, детищем Восточной Церкви, противопоставленной латинскому Западу, Православная Россия в то же время не может быть Востоком в отношении к Христианству как таковому. Ее история начинается с замечательного утверждения христианского персонализма, множественности человеческих лиц, в «Поучении» Владимира Мономаха. И, конечно, движение к восточному имперсонализму для нее невозможно. «Восток» Христианского мира и «Восток» в системе «Восток-Запад» — это в известном смысле противоположности.